

О.Г. Усенко

(Тверской государственной университет, г. Тверь)

**О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ГОСТЕПРИИМСТВЕ НА РУСИ
И В РОССИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.**

Аннотация. В статье рассматривается принудительное гостеприимство как социокультурный феномен, существовавший в Древней Руси и России. Исследуется нормативно-правовое регулирование гостеприимства. Показана эволюция повинностей, связанных с гостеприимством.

Ключевые слова: история России, Древняя Русь, гостеприимство, повинности.

O.G. Usenko

(Tver State University, Tver)

**ON FORCED HOSPITALITY IN RUS' AND IN RUSSIA
UNTIL THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY**

Annotation. The article deals with forced hospitality as a socio-cultural phenomenon that existed in Ancient Russia and Russia. The legal regulation of hospitality is investigated. The evolution of duties related to hospitality is shown.

Keywords: history of Russia, Ancient Russia, hospitality, duties.

В работах, посвящённых истории туризма и гостеприимства, говорится, как правило, о таких его аспектах, которые связаны с понятием добровольности, а также с получением выгоды – моральной и/или материальной¹. Однако в истории многих стран можно обнаружить факты, свидетельствующие о том, что гостеприимство бывало принудительным и нередко приносило лишь убытки тем, кто им занимался.

Принудительное гостеприимство было характерно, в частности, для Древней Руси и России до середины XIX в. Характеристике этого социокультурного феномена и посвящена данная статья.

Традиция гостеприимства уходит корнями в эпоху первобытности, и долгое время она регулировалась лишь неписанным (обычным) правом. Собственно говоря, эту традицию можно представить как совокупность взаимосвязанных обычаев, диктовавших людям, как нужно относиться к чужакам, не представляющим опасности.

Судя по всему, в среде восточных славян гостеприимство регулировалось лишь традицией вплоть до конца XI в. – до появления второй части «Русской Правды» (до включения в неё норм, принятых Ярославичами). Но и после этого долгое время (видимо, до XVI в.) писаное право охватывало только часть сферы гостеприимства. Причём нормы данного права поначалу представляли собой, судя по всему, простую фиксацию посредством письма всё тех же обычаев.

Если воздействие обычая на субъектов гостеприимства можно обозначить как «внутреннее» принуждение, то воздействие государства – как «внешнее». Последнее в XVII–XVIII вв. включало также принуждение со стороны участников крупнейших восстаний.

Рассмотрение «внутреннего» регулирования сферы гостеприимства на Руси начнём с обычая одаривать иноземных послов. Например, в «Повести временных лет» под 944 г. сообщается, что великий князь Киевский так поступил с византийскими послами: «Игорь же, утвердив мир с греки, отпусти слы, одарив скорою, и челядью и воском, и отпусти я»².

На Руси издавна был и обычай помогать странникам (путешественникам), в соответствии с которым они получали крышу над головой и еду. После «крещения Руси» особое внимание стали уделять паломникам – «каликам переходим»⁴. Уже в XII в. монахи Киево-Печерского монастыря завели, говоря современным языком, гостиницу для таких путешественников³. Так, монах Святоша (начало XII в.), бывший черниговский князь, «аще и много имяше, но

та вся на потребу странным (подчёркнуто мной. – О. У.) и нищим подаваше и церковное строение»⁵.

Приведём теперь пример, когда обычай обеспечивал киевскому князю и его людям жильё, пищу и, видимо, транспорт, если таковой был нужен. Имеется в виду «полюдьё» – объезд великим князем территории, примыкавшей к столице, ради поддержания личных связей с местной элитой и третейского суда. При этом верховный правитель получал подношения и подарки⁶. Данный социокультурный феномен существовал на Руси до XI в. Византийский император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (написан между 948 и 952 гг.) повествует о нём так: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется "кружением", а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севернее и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лёд на реке Днепр, возвращаются в Киав»⁷.

Можно полагать, что традиция гостеприимства на Руси когда-то включала в себя и обычай строить пристанища для иноземных купцов («гостиные дворы») силами местного населения. Так, в Новгороде с 1184 г. существовало пристанище для ганзейских⁸ купцов – «Немецкий двор» («Двор св. Петра») ⁹. Правда, пока неясно, велось ли это строительство за плату (платить могла купеческая колония) или же безвозмездно.

Рассмотрим теперь ситуации, когда гостеприимство было результатом не только «внутреннего», но и «внешнего» принуждения.

С конца XI в. государство вмешивается во взаимоотношения приезжих купцов с местными. Пространная редакция «Русской Правды» регулирует, во-первых, подачу иска купцом-кредитором против купца-должника (ст. 48): «Аже кто купец купцю даст в куплю куны или в гостбу, то купцю пред послухи кун не имати, послуси ему не надобе, но ити ему самому роте, аже ся почнет заpirати»¹⁰.

Во-вторых, писанный закон определял отныне и порядок взимания долга с купца (ст. 54): «Аже который купец, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возмет, ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнет от лета платити, тако же платит, зане же пагуба от Бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиется или пробиет, а в безумьи чюж товар испортит, то како любо тем, чии то товар: ждуть ли ему, а своя им воля, продадут ли, а своя им воля»¹¹.

В-третьих, «Русская Правда» закрепила за приезжим купцом первоочередное право на получение долга с местного купца (ст. 55): «Аже кто многим должен будет, а пришед гость из иного города или чюжеземец, а не ведая запустит за нь товар, а опять начнет не дати гости кун, а первии должебити начнут ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останет кун, тем же ся поделят; паки ли будут княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, то тому не имати»¹².

Уже в начале своего существования Древнерусское государство подключилось к обеспечению безопасности иноземных купцов на пути «из варяг в греки». Согласно летописи, киевские князья выделяли воинов для охраны «гречников» (купцов, торговавших с Византией) во время их продвижения по Днепру¹³. Правда, Константин Багрянородный пишет, что охранники сопровождали «гостей» лишь до четвёртого днепровского порога: «Итак, у этого порога все [ладьи] причаливают к земле носами вперёд, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются»¹⁴.

После установления монгольского ига (1242 г.) путь «из варяг в греки» пришёл в упадок. Однако теперь князья должны были обеспечивать безопасность монгольских послов. Новгородская первая летопись под 1259 г. сообщает, что ханские представители просили дополнительной охраны у новгородского князя Александра Ярославича: «И нача оканьнии бояться смерти, рече Олександрю: "Дай нам сторожи, ать не избьют нас"». Александр Невский помог им: «...Съеха князь с Городища, и оканьнии татарове с ним»¹⁵.

После свержения ордынского ига (1480 г.) иноземные послы по-прежнему были под охраной государства. Их встречал на границе представитель наместника приграничного региона и выяснял, откуда прибывало посольство, ранг посла, количество свиты и т.д. Безопасность прибывших обеспечивал наместник – и когда послы жили при нём, и когда они отправлялись дальше, поскольку наместник давал приставов для «оберегания» чужеземцев на пути к Москве¹⁶.

Особым вариантом принудительного гостеприимства была постоянная повинность – бесплатное предоставление жилья носителям официальной власти. В качестве последних выступали не только чиновники, но и приезжавшие на Русь монголы – ханские посланники, их слуги и охранники. С точки зрения монголов указанная повинность распространялась и на древнерусскую элиту. Например, в 1327 г. Тверь посетил ханский посол – эмир Чолхан и обосновался во дворце Александра Михайловича, великого князя Тверского и Владимирского: «прогна князя великаго с двора его, а сам ста на князя великаго дворе»¹⁷.

История крупнейших восстаний в России XVII–XVIII вв. тоже хранит примеры постоянной повинности. Вот лишь два случая, относящихся к восстанию на Дону 1707–1709 гг. («Булавинщине»). В марте 1708 г. булавинцы «стояли» на дворах в д. Грибановке Тамбовского уезда¹⁸. Повстанцы, вошедшие вместе с К. Булавиным в сдавшийся им Черкасск (май 1708 г.), расселились так: «знатные – по куреням, а бурлаки – по анбаром и по базам»¹⁹.

Рассмотрим теперь вариант принудительного гостеприимства, известный под названием «кормовая повинность». Речь идёт о долге общинников бесплатно снабжать чиновников продовольствием и фуражом. Эта обязанность отражена, к примеру, в четырёх статьях Пространной «Русской Правды».

В статье 9 прописано, какой именно «корм» надлежало получать вирнику²⁰ и его помощникам: «А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, же овен любо полоть, любо 2 ногате; а в середу куна оже сыр, а в пятницу тако же, а кур по двою ему на день, а хлебов 7 на неделю,

а пшена 7 уборков, а гороху 7 уборков, а соли 7 голважен; то то вирнику со отроком; а кони 4, конем на рот сути овес; вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная, а метелнику 12 векшии, а съсадная гривна»²¹.

Статья 74 определяет состав и размер «корма», судя по всему, для княжеского сборщика дани и его подручных: «А се наклады 12 гривен: отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню, сути же на рот овес, а мясо дати овен любо полоть, а инем кормом, что има черево возмет, писцю 10 кун, перекладнаго 5 кун, за мех две ногате»²².

В статье 96 зафиксированы обязательные подношения городнику – назначенному князем человеку, руководившему строительством и починкой городских укреплений.: «А се уроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше – ногата; а за корм, и за вологу, и за мяса, и за рыбы 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборков пшена, 7 лукон овса на 4 кони; имати же ему, донеле город срубят; а солоду одну дадят 10 лукон»²³.

Статья 97 говорит о «корме» мостнику – руководителю при строительстве и ремонте мостов: «А се мостнику уроци: помостивше мост, взяти от 10 локот по ногате; аже починит моста ветхаго, то колико городне починит, то взяти ему по куне от городне; а мостнику самому ехати со отроком на дву коню, 4 лукна овса на неделю, а есть, что может»²⁴.

Аналогичные поборы с общинников имели место и в Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. Так, частью дворцовых натуральных повинностей было «предоставление "кормов" дворовым слугам: бортникам, бобровникам, персоналу княжеской охоты, пищи для охотничьих собак, ловчей птицы и т.д. и т.п.»²⁵.

В период ордынского ига на «корм» рассчитывали и приезжие монголы. Например, Новгородская первая летопись повествует, что в 1259 г. «приехаша оканьнии татарове сыроядци Беркаи и Касачик с женами своими, инех много; и бысть мятеж велик в Новегороде, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьным татаром»²⁶. «Туска» – это, по всей видимости, обязательные провиант и «подарки» для монгольских владетелей или их послов²⁷.

Кормовую повинность вводили и участники различных выступлений социального протеста, связанных с вооружённой борьбой и наличием военизированных формирований. Можно вспомнить «вольных казаков», отряды которых, возникшие во время Смуты, доставили много хлопот правительству Михаила Романова. Так, в 1615–1616 гг. во Владимирском, Суздальском и Шуйском уездах «вольные казаки» убивали помещиков и отнимали продовольствие у крестьян для своего прокормления²⁸. Осенью 1618 г. около 3000 «вольных казаков», сделав крепость в Вязниках, разделили между собой для прокормления Ярополческую волость и часть Гороховецкого уезда. «Сбор кормов и денег в Ярополческой волости осуществлялся подчас в жестокой форме. Казаки забирали у крестьян больше, чем было необходимо для пропитания и экипировки...»²⁹

Ещё в домонгольское время на общинников была возложена транспортная повинность. Константин Багрянородный пишет об изготовлении и доставке лодок под Киев из разных регионов каждую весну³⁰. Вполне возможно, что это делалось «для транспортировки дани зависимым населением»³¹. В «Повести временных лет» упоминается «повоз»³² – очевидно, обязанность перевозить княжеских людей и их грузы или же предоставлять им средства передвижения³³. Отсюда следует, что обязанность «давать подводы князю или его гонцам, под казну князя или запасы, под ехавших на службу князя и под послов было повинностью, известной населению издавна. Повинность эта... первоначально состояла в том, что, как представлялась надобность, мирские власти собирали подводы с населения»³⁴.

Во время ордынского ига частью транспортной повинности на Руси стал «ям» – предоставление ханским послам, гонцам и другим людям, если им нужно, лошадей и подвод³⁵. На важнейших дорогах были учреждены станы (станции), тоже называвшиеся «ямами». Каждым таким станом заведовали ямщики (2–3 чел.)³⁶.

В то же время сохранялась транспортная повинность для местных управителей и их слуг. Она получила название «подвода»³⁷. Со второй половины

XVI в. эта повинность начала видоизменяться – в некоторых местностях утвердился новый порядок: «население непосредственно не отпускало подвод, а повытно платило деньги, которые считались мирскими ямскими деньгами и на которые волость нанимала подводы, сколько потребуется. Такой же порядок распространился весьма скоро и на целые уезды...»³⁸ С XVIII в. крестьяне в ряде местностей использовали наём для выполнения подводной повинности, то есть общины нанимали «охотников» для разъездов с чиновниками и их поклажей³⁹.

В первой половине XIX в. стоимость одной подводы в среднем по 45 губерниям Российской империи составляла 53 коп. серебром, а средняя стоимость подводной повинности на 1 душу мужского пола – 6 коп. серебром. Минимальная стоимость (менее 1 коп. серебром на душу) была в Эстляндской, Олонецкой и Казанской губерниях, а максимальная – в Новгородской губернии (около 23 коп. серебром)⁴⁰.

Приведём пример из жизни помещичьих крестьян. В 1848–1850 гг. 141 крестьянин д. Безобразово помещика Потёмкина (Сычёвский уезд Смоленской губернии) должны были для чиновников и земской полиции подрядить 110 подвод и 70 подводчиков, а для сопровождения партий арестантов выделить 48 чел. в качестве понятых. Каждая подвода по местным ценам обходилась в 25 коп. серебром на душу.

В государственной деревне размеры подводной повинности постоянно росли. Так, с 1844 по 1856 г. число поставленных подвод возросло с 2,3 млн до 3,7 млн, а их стоимость – с 1,5 млн руб. серебром до 2,06 млн руб.⁴¹

Перейдём к рассмотрению такого варианта принудительного гостеприимства, когда при обслуживании приезжих требовалось, чтобы общинники были готовы отправлять и постойную, и кормовую, и транспортную повинности. В реальности дело могло ограничиваться несением лишь одной или двух повинностей из указанного набора.

Такое обслуживание в первую очередь касалось чиновников. Так, в грамоте Андрея Александровича, великого князя Владимирского, на Двину

(между 1294 и 1304 гг.) говорится: «От дают с погостов корм и подводы по пошлине»⁴² (в данном случае «пошлина» – старина, традиция).

Жалованная грамота дмитровского князя Юрия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю об освобождении его сёл и деревень «в Инобоже» от постоянной и кормовой повинностей (1470 г.) гласит: «...И мои князи, и ратные воеводы, и дети боярские, и всякие ездоки, и псари, и ловчие, и бобровники в тех их сёлах и деревнях не ставятся, ни кормов, ни проводников у них не емлют, опроче того, кто погонит с моею грамотою с подорожною»⁴³.

А вот что пишут историки о древнерусских землях, ставших частью Великого княжества Литовского и Королевства Польского: «По требованию высшей власти общины обязаны были... во время пребывания в данной местности князя обеспечивать ему и его людям "станы", или "станции" (подводы, жильё, довольствие и фураж), содержать его слуг на местах ("ловчее" и др.)... Стацию... в XIV–XV вв. чаще всего повсюду давали скотом – яловками и волами и другими продуктами. Обычно она налагалась на всю общину или волость»⁴⁴.

Ещё одна цитата касается Белоруссии в XVI–XVII вв.: «Наиболее обременительными государственными повинностями крестьян были... перевозка грузов и должностных лиц, "полюдье" и возникшая из него "станция" ("мезлева") – платежи натурой или деньгами на содержание великого князя и должностных лиц...»⁴⁵

В России XVII–XVIII вв. крестьяне тоже были обязаны поставлять чиновникам «продовольствие, фураж, различные материалы, лошадей, выполнять... подводную, постоянную повинности»⁴⁶.

Параллельно с конца XV в. эволюционировала ямская повинность российских крестьян. Росло число ямских станов, они создавались на новых дорогах. Среднее расстояние между станами составляло 30–40 вёрст. Но были расстояния и в 60, 90, 100 вёрст и даже больше – в Сибири и на севере Европейской части. Главное, что на ямские станы окрестное население должно было поставлять определённое количество подвод и «корм». Право пользоваться подводами и «кормом» на станциях определялось наличием у путешественника

«подорожной грамоты». Перевозку чиновников («ямскую гоньбу») осуществляли не ямщики, а «те, чья очередь была доставлять на ямы подводы, или нанятые этими очередными вместо себя. Если ям стоял на реке, то во время судоходства послов, гонцов и ездоков великого князя отпускали на судах, давая гребцов и кормчих»⁴⁷.

С начала XVI в. ямщики стали платить за предоставленные подводы, но эта плата не покрывала всех расходов населения⁴⁸. В середине XVI в. «население сделалось обязано выставлять на ямы... не подводы, а людей, которые имели бы всё, что нужно для гоньбы, и которые гоняли бы гоньбу за поставивших их». Так появились «ямские охотники»⁴⁹.

В XVII в. «ямская гоньба» по-прежнему дополняла подводную повинность: «ямские подводы служили главным образом для провоза гонцов, служилых людей, посланников и т.д., обывательские подводы требовались для провоза клади, запасов, военных снарядов и т.д.»⁵⁰. При этом «право воевод собирать подводы, как ямские, так и обывательские, конечно, ничем нормировано не было, определяясь одним общим указанием, чтобы ни в чём государеву делу поруки не было»⁵¹.

Отправление трёх повинностей сразу предусматривалось и при обслуживании иноземных послов. К примеру, «подорожная грамота», данная от имени Ивана III приставу мазовецкого (польского) посла в 1493 г., предписывала «по ямом ямщиком» давать посольству подводы и «корм»; в поселениях же у рек «всем людем» велено давать «судно и гребци и крьмника. А где им прилучится стати, и вы бы им давали корм на стану»⁵².

Подводы послам давали бесплатно, а вот за предоставленный «корм» приставы общинникам платили. И всё равно обеспечивать посольства на пути в Москву было зачастую нелёгкой задачей из-за их большой численности⁵³. Если денег у пристава не хватало, то он брал «корм» в кредит. Все поборы записывались в «кормовые книги», и потом по ним производился расчёт. Собирали «корм» с населения выборные люди – «кормовщики». При этом разрешались остановки между «ямами» в любых селениях⁵⁴.

Право на постой, «корм» и транспорт по требованию было издревле также у военнослужащих⁵⁵. С начала XVIII в. такое гостеприимство становилось для народа всё более тяжёлым из-за резкого увеличения регулярных войск при отсутствии сети «магазинов» (складов) и постоянных квартир у армии⁵⁶.

Постоянная повинность в данном случае подразумевала содержание «на квартирах» (временно или постоянно) воинских чинов и заведений, отопление и освещение «квартир», отвод и наём пастбищ и мест для лагерных стоянок, а также снабжение в известных случаях квартирующих войск провиантом и фуражом⁵⁷.

Рядовых военнослужащих ставили на квартиры в дома жителей, «по сколько человек на двор придётся», вытесняя иной раз хозяев. Постояльцам предписывалось жить смирно и никаких «обид» хозяевам не наносить, но на деле нарушалось это правило очень часто. Например, на Украине и в Польше военные постояльцы были настоящим бичом хозяев. Хотя крестьяне не должны были их кормить, этого, как правило, избежать было нельзя, а иногда военные и вовсе брали всё, что хотели. В регионах с преобладанием русского населения постоялец не смел творить насилие, но придумывал тысячи ухищрений, чтобы «переубедить» хозяина: проводил по ночам «учения», днём командовал и беспрестанно кричал; в конце концов утомлённый хозяин кормил его даром при условии, что в доме будет привычный порядок и тишина⁵⁸.

О цене постояя можно судить по следующим примерам. В 1714–1716 гг. обеспечение провиантом расквартированных в Киевской губернии войск ежегодно обходилось каждому крестьянскому двору в 1 руб. 23 коп.⁵⁹ В 1847 г. полевые войска (444 тыс. чел.) были расквартированы в 37 губерниях Российской империи. На 100 крестьянских душ мужского пола в среднем приходилось 650 постоянных дней. Стоимость повинности в среднем была 26 коп. серебром на одного крестьянина. Но в разных губерниях эта стоимость различалась – иногда кардинально. Так, в Петербургской губернии она составляла 2 руб. 77 коп. серебром, а в Пермской губернии – лишь 1,5 коп.⁶⁰

И всё же воздействие постоянной повинности на повседневную жизнь россиян было неоднозначным. «Если солдат принимали неохотно и с боязнью, то к офицерам отношение было совершенно иным. Офицеры всегда приглашались в городах в дворянские собрания и на балы, устраиваемые городским начальством, а в сельской местности офицеры всегда были желанными гостями на вечерах и балах, провидимых местными помещиками»⁶¹.

В период войн основные перевозки осуществлялись на крестьянских телегах. Особенно тяжела была подводная повинность для крестьян, живущих вдоль столбовых дорог и в районах, прилегающих к театрам военных действий⁶². Регулярно проводились также сборы лошадей или денег на их покупку. Эта повинность была сопряжена с длительным пребыванием целых табунов на специальных «станциях», и окрестные общины оплачивали все расходы на их содержание⁶³.

Ещё одним вариантом принудительного гостеприимства было обеспечение путешественников проводниками. Эта услуга была предназначена прежде всего для чиновников. И.Я. Гурлянд замечает: «Из подводной повинности вытекала и обязанность давать проводников, хотя и эта повинность могла являться самостоятельной». При этом «проводники выставлялись лишь по мере надобности... для дел князя и управления». Предоставление проводников было частью и ямской повинности⁶⁴.

Проводники предоставлялись и войскам на марше. Потребность армии в людях, знающих местность, постоянно росла. Например, с 1844 по 1856 г. число армейских проводников (пеших и конных), предоставленных казёнными крестьянами, увеличилось с 2,07 млн до 4,5 млн⁶⁵.

Часто не могли обойтись без проводников и купцы. Для XVIII в. было характерно следующее: «На крестьян, живущих вдоль рек, постоянно возлагались повинности по проводке судов и плотов, для чего они представляли гребцов, рабочих, лоцманов со всем необходимым "припасом и харчами"»⁶⁶.

Наконец, к принудительному гостеприимству можно относить и строительную повинность, если она предназначалась для приезжих. Таковыми,

во-первых, бывали чиновники. И тут можно вспомнить о так называемой налоговой реформе княгини Ольги (945–947 гг.), в ходе которой строились «погосты» («становища») – небольшие крепости для княжеских сборщиков дани, куда её должны были привозить местные управители. Летопись повествует: «И иде Ольга по Деревьской земли с сыном своим и дружиною своею, уставляючи уставы и уроки, и суть становища ея и ловища ея. И приде в город свой Киев с сыном своим Святославом и, пребывши лето едино, в лето 6455 иде Ольга Новугороду. И устави по Мьсте погосты и дань, и по Лузе погосты и дань, и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знамения и места и погосты»⁶⁷.

Вспомним теперь о «ямах» – станциях для путешествующих монгольских, а потом и русских чиновников. Каждый ям представлял собой обнесённый забором или плетнём двор, где находились две–три избы, сенники и конюшни⁶⁸. И.Я. Гурлянд отмечает: «Доставляя на ям подводы, обменивая по дороге усталые подводы, доставляя на ямы корм, население обязано было ещё расчищать дороги, строить и чинить мосты и гати, а также строить и чинить ямские дворы. Возможно, что при мелких починках требования к населению могли предъявляться непосредственно ямщиками, но, вероятно, при капитальных ремонтах ямщики били челом в Москву, а оттуда уже посылался указ и с ним специальный человек, на которого возлагалось наблюдение за исполнением дела, совместно с ямщиками»⁶⁹. Данный вариант строительной повинности известен как «ямская дворовая поделка». Строительством «ямов» руководили присланные из Москвы или от наместника «стройщики» – обычно из детей боярских или дьяков⁷⁰.

Со второй половины XVI в., после появления «ямских охотников», близ ямских дворов стали возникать «ямские слободы» (даже в городах). Каждая такая слобода включала в себя дворы «ямских охотников» и «приезжий (стоялый) двор»⁷¹. Всё это строили местные жители (правда, в Сибири – на «казённые подможные деньги»)⁷².

Вспомним напоследок о «гостиных дворах», активное строительство которых шло во второй половине XV–XVII вв. Например, в Москве были

построены «Аглицкий», «Греческий» и «Армянский» дворы⁷³, а в Новгороде – «Псковский» и «Тверской»⁷⁴. Судя по всему, их строили местные жители по государеву указу. По крайней мере, именно так обстояло дело в «новопостроенных городах». Взять, к примеру, Свяжск, основанный в 1551 г. (Чувашия). В 1567 г. внутри «острога» близ торговой площади уже был «государев гостиный двор». На его территории стояли таможенная изба, две лавки, два «полка» (видимо, прилавки под открытым небом), «важня» (помещение с весами), 3 избы для «гостей», изба дворника и 19 дощатых амбаров для складирования товаров⁷⁵. Таким образом, в данном случае строительная повинность вряд ли была лёгкой.

Итак, можно сделать вывод, что на Руси и в России до середины XIX в., если брать общество в целом, принудительное гостеприимство играло более важную роль, нежели добровольное. В связи с этим понимание гостеприимства тогда было ближе к понятию «служба», чем к понятию «услужение».

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См., например: Соколова М.В. История туризма. М., 2002; Воронкова Л.П. История туризма и гостеприимства. М., 2004; Волков Ю.Ф. Введение в гостиничный и туристический бизнес. Ростов н/Д, 2004; Биржаков М.Б. Введение в туризм. М.; СПб., 2006; Долженко Г.П. Основы туризма. М.; Ростов н/Д, 2008.

² Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 104.

³ Соколова М.В. Указ. соч. С. 151.

⁴ Волков Ю.Ф. Указ. соч. С. 40.

⁵ Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 378.

⁶ См.: Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление всемирной и отечественной истории цивилизаций. М., 1995. С. 3.

⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 49.

⁸ Ганза – союз «вольных городов» (городов-республик), возникший во второй половине XII в. на севере Германии и включивший затем «вольные города» Нидерландов, Восточной Пруссии, Ливонии (в начале XV в. – около 160 членов); распался в конце XVII в.

⁹ Соколова М.В. Указ. соч. С. 117.

¹⁰ Российское законодательство X–XX в. М., 1984. Т. 1. С. 67.

¹¹ Там же. С. 68.

¹² Там же.

- ¹³ Полное собрание русских летописей. М., 1908. Т. 2. Стб. 468, 541.
- ¹⁴ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 82, 311
- ¹⁶ Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. С. 28.
- ¹⁷ Песнь о Шевкале // Библиотека литературы Древней Руси. СПб, 1999. Т. 6. С. 92.
- ¹⁸ Труды Историко-археографического ин-та АН СССР. М., 1935. Т. 12: Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707–1708). С. 171.
- ¹⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Л. 524. Курень – дом; баз – хозяйственная постройка: загон, скотный двор, закрытое помещение или навес для скота (Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 30–31, 252).
- ²⁰ Вирник – назначенный князем сборщик виры. Вира – денежная выплата родственникам убитого мужчины из числа «свободных» со стороны убийцы, тоже «свободного» мужчины, в размере 40 гривен (слитков) серебра.
- ²¹ Российское законодательство X–XX в. С. 64.
- ²² Там же. С. 69..
- ²³ Там же. С. 71.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ История крестьянства СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1990. Т. 2. С. 137.
- ²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 82, 310.
- ²⁷ См.: Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 2015. С. 168–171.
- ²⁸ Станиславский А.Л. Казацкое движение 1615–1618 годов // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 106.
- ²⁹ Там же. С. 113–114.
- ³⁰ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 47–48.
- ³¹ История крестьянства СССР... М., 1987. Т. 1. С. 382.
- ³² Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. 1. С. 34, 36.
- ³³ Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 24–25; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., 1950. С. 224–225.
- ³⁴ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 270.
- ³⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 224; История крестьянства СССР... Т. 2. С. 137.
- ³⁶ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 51, 57.
- ³⁷ Там же. С. 40.
- ³⁸ Там же. С. 270–271.
- ³⁹ История крестьянства СССР... М., 1993. Т. 3. С. 374.
- ⁴⁰ Там же. С. 372.
- ⁴¹ Там же. С. 373.
- ⁴² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 1 (док. № 1).

- ⁴³ Там же. С. 62 (док. № 86).
- ⁴⁴ История крестьянства СССР... Т. 2. С. 176–177.
- ⁴⁵ Там же. С. 296.
- ⁴⁶ История крестьянства СССР... Т. 3. С. 162.
- ⁴⁷ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 51, 56–57.
- ⁴⁸ Там же. С. 62–64.
- ⁴⁹ Там же. С. 85, 88, 90–92.
- ⁵⁰ Там же. С. 50, 110–111, 209, 240.
- ⁵¹ Там же. С. 112.
- ⁵² Там же. С. 74–75.
- ⁵³ Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. С. 28.
- ⁵⁴ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 67, 83, 113–114.
- ⁵⁵ История крестьянства СССР... Т. 2. С. 155; Яковлева Л.Е., Щербинин П.П. Постоянная повинность и крестьянство Российской империи в XVIII в. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.). Сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 182.
- ⁵⁶ История крестьянства СССР... Т. 3. С. 166.
- ⁵⁷ Там же. С. 372.
- ⁵⁸ Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С. 147–148.
- ⁵⁹ История крестьянства СССР... Т. 3. С. 166.
- ⁶⁰ Там же. С. 372.
- ⁶¹ Яковлева Л.Е., Щербинин П.П. Указ. соч. С. 184.
- ⁶² История крестьянства СССР... Т. 3. С. 167.
- ⁶³ История крестьянства СССР... Т. 3. С. 166.
- ⁶⁴ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 25, 28, 37.
- ⁶⁵ История крестьянства СССР... Т. 3. С. 373.
- ⁶⁶ Там же. С. 167.
- ⁶⁷ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. С. 143–144.
- ⁶⁸ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 51, 69.
- ⁶⁹ Там же. С. 66, 94.
- ⁷⁰ Там же. С. 107–109, 112, 117–124, 130–131.
- ⁷¹ Там же. С. 139, 161.
- ⁷² Там же. С. 88, 90–94, 98–99, 181, 187–188, 196, 211–212, 217–218.
- ⁷³ Воронкова Л.П. Указ. соч. С. 132.
- ⁷⁴ Волков Ю.Ф. Указ. соч. С. 39.

⁷⁵ Дмитриев В.Д. Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVII веков // Вопросы истории Чувашии (Уч. зап. НИИ при Совете министров Чувашской АССР. Вып. XXIX). Чебоксары, 1965. С. 142–143.